

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОССИИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Дружбин А.Ю.

Дружбин Андрей Юрьевич – студент,
институт строительства,

Новосибирский архитектурно-строительный университет (Сибстрин), г. Новосибирск

Аннотация: в статье представлен анализ социальной трансформации в российском обществе в переходный период. На основе статистических данных и применения исторических закономерностей, автор выдвигает оригинальную точку зрения на сложные процессы, протекавшие в России в переломный период 1980 - 1990 годов.

Ключевые слова: Россия, социальные изменения, общество, термодинамика, статистика, экономика, социальная стратификация, химическая реакция, энтропия.

Введение.

Как историческое событие перестройка российской экономики на новый капиталистический лад, состоявшаяся в конце XX столетия, есть не общая закономерность развития всемирного человеческого общества, но некоторая девиация, у которой конечно есть аналоги – подобный переход осуществило большинство государств социалистического блока.

Сам переход в свою очередь не выглядит из ряда вон выходящим, если рассмотреть процессы, которые к нему привели: идеологи коммунизма в начале века предрекали возможность «перескочить» капиталистический этап и определёнными методами управления достигнуть коммунизма. Осуществление этого подхода предопределило отклонение траектории развития России и некоторых других государств от общемировой социально-экономической эволюции; но отнюдь не означало победы над неумолимыми законами её: подобно параболе подброшенного тела, социалистическое государственное образование Советский Союз пережил грандиозный подъём («Я видел будущее и оно работает» - Линкольн Стеффенс, американский писатель и журналист, о Советской России после своей встречи с Лениным) и стремительный крах 70-90 годов («В эпоху бурных, динамичных перемен экономика продолжала сохранять свою архаическую, утяжелённую и высокомонополизированную структуру, оставившиеся в наследство от индустриальной стадии методы управления, крайне примитивную систему мотивации поведения. Страна, пропустив ряд важных этапов (компьютеризация, ресурсосбережение, «зелёная революция»), несмотря на несомненные достижения, начала отодвигаться на обочину научно-технической революции» - Абалкин Л.И., российский экономист, доктор наук).

Тем не менее, несмотря на очевидность естественности процессов в экономическом плане, существует традиция гиперболизировать субъективность рассмотрения социальных трансформаций. Катализатором этого выступает предвзятое отношение исследователей: именно социальные исследования по большей части проводятся отечественными учёными, которых «трогает за живое» положение россиянина в сравнении с гражданами развитых государств. Однако соотносить современное россиянина и социальную структуру, в которую он включён, с американцем и структурой его общества неприемлемо по причине различий «исторической траектории», имевших место на протяжении не только существования советского государства, но и много раньше (чем, впрочем, можно пренебречь в условиях обобщённой модели, так как догоняющие развитие обгоняет «первопроходцев» на данных этапах).

Таким образом, объективность анализа социальных изменений мы пытаемся обеспечить выбором «инерциальной системы отсчёта», привязанной к значимым для России переломным точкам, а не общемировым. Из рассуждений по такому плану станет ясно положение дел в российском обществе в момент, когда «траектории» пересекутся. Саму **социальную трансформацию** будем понимать как совокупность качественных и количественных изменений в обществе: изменение пропорциональных отношений той или иной социальной страты относительно других страт, их появление и отмирание; изменение роли качественных характеристик граждан в целом: изменение роли уровня образования, криминальности и психико-морального состояния среды в целом.

Характерные особенности среды, в условиях которых проходила социальная трансформация.

Примечательной особенностью переходного периода является динамика социальной стратификации. В отличие от процессов расслоения в незатронутых социалистическим режимом государствах, число работников гос. сектора экономики (от служащих аппарата до рабочих гос. предприятий) выделяется в отдельную страту. В целом же общество раскалывается на три класса, выросших из бывшей номенклатуры и пролетариев: бизнесмены и менеджеры (управленцы) и два типа наёмных работников – гос. сектора и частного сектора.

Дальнейшее расслоение определяется отнюдь не профессиональной деятельностью или образованием, а уровнем дохода, который слабо коррелирует с этими аспектами. По результатам исследования ВЦИОМа от 1996 года самоидентификация россиян по классу, к которому они себя относят в первую очередь опирается на наличие высшего образования, далее бывшего престижа профессии и уже в последней степени на уровень дохода, что входит в противоречие с исследованиями, основанными на уровне дохода. Так, по уровню дохода по данным Госкомстата за 1996 год к бедным относятся около 74% населения, тогда как по личным оценкам себя к ним относят лишь 13% [1].

Отсюда следует существование психологического диссонанса: неумолимые изменения соц. структуры входят в противоречие с личными установками людей. Это во многом определяет маргинализацию населения: психологический контекст вкупе с ухудшившейся жизнью приводят людей к ситуации Раскольникова: «лучше решится на преступление, чем окончательно лишится человеческого достоинства».

Другим течением соц. трансформации стало разделение практически пополам экономики на легальную и «теневую»: от 20 до 90% в таких областях, как транспорт и сельское хозяйство [2]. По оценкам журнала Forbes на 2013 год теневая экономика до сих пор составляет около 46% ВВП.

Из этого вытекают серьезные следствия: стечение вышеизложенных обстоятельств приводило к организации сложной структуры криминальных элементов, иерархическая пирамида которых имеет основанием далеко не преступников, а обыкновенных граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Массовость опоры послужила упрочнению криминального устройства, сращению «авторитетов» сперва с местными элитами, а потом и с верхами правящей партии. [3] «В 1996-1997 гг. сложилась система отношений, при которой корпоративный финансовый капитал, будучи уже в основном частнокапиталистическим, стал играть роль важнейшего звена политической власти. Это было уже не только и не столько лоббизм, сколько прямое участие во власти, олицетворением чего стало понятие «семья» [4].

Криминальная атмосфера российского общества переходного периода по-своему формировала социальные изменения: переполненные тюрьмы содержали свыше 1 млн человек; вышедшие по амнистии люди не столько приспосабливались к свободной гражданской жизни, сколько приспосабливали окружающих – «бывалым» было легче наладить «бизнес» или влиться в уже существующую организацию, которая на правах нового капиталистического уклада получила жизнь, на деле являясь ОПГ. Ведь, как уже было сказано, половина всей экономики находилась в тени, и преступникам легко было найти место «в миру». Это подтверждают современные культурные тенденции в России: повсеместное распространение языка фени, абсцессивная (матерная) речь (которой теперь, как сленгом, пользуется молодежь); популярность в сети и молодежной среде «культуры хаты». В совокупности эти течения выстроили в обществе связи и структуры, дублирующие тюремные.

Последствия не заставили себя ждать. По оценкам ряда исследователей (В.А. Лепехин, Т.Ю. Богомолова, Р.Г. Громова, Н.Е. Тихонова) социальная мобильность населения снизилась. Многие (12,2%) оказались на «социальном дне» и практически лишились какой бы то ни было возможности поправить своё положение.

Итак, мы получили квинтэссенцию наиболее значимых статистических данных, основанных на наблюдениях за трансформацией российского общества; и получили лаконичную характеристику «морального духа», царившего в социуме конца 80-х и на протяжении всех 90-х годов. В дальнейшем образное представление сути во многом поможет интуитивному связыванию разрозненных явлений в единую закономерность.

Попытка трактовать причины и суть социальной трансформации в России в переходный период на основании закономерностей институционального исторического развития и общих естественных законов.

Попытки интерпретировать человеческое общество и его развитие с точки зрения естественно-научных концепций и теорий по большей части призваны объяснить какой-либо глобальный или длительный процесс, или совокупность относительно однородных процессов. Мы ставим целью трактовать с точки зрения общих исторических, социальных и естественных законов в определённой степени частный случай – трансформацию российского общества в переходный период.

Первый подход требует предельно сжатого, но модельно точного истолкования истории государства, инструментарий для которого предложен и описан американскими экономистами Джеймсом А. Робинсоном и Дароном Аджемоглу [5]. По их мнению, все советские институты власти и экономики относятся к *экстрактивным институтам*, то есть таким, отправление власти с помощью которых осуществляет крайне закрытая группа людей, руководствующихся эгоистическими интересами (отнюдь не продиктованных их принадлежностью к классу рабочих, от имени которого они эту власть осуществляли). Из факта экстрактивности политических, экономических и социальных институтов следует естественное ограничение на дальнейший экономический рост СССР: невозможность широких масс отстоять политически свои экономические и социальные права сказывается на мотивации к труду и

творчеству. В перспективе это приводит к невозможности интенсивного развития; методы экономической деятельности остаются экстенсивными; нарастает отставание от капиталистических государств *инклюзивных* (власть в которых отправляется широкими массами людей, интересы которых во многом отвечают классовым, так как средством существования этих людей и является отправление деятельности, присущей тому классу, к которому они принадлежат) институтов.

В данном контексте социальная трансформация дезинтеграционного и деградиационного характера (причём именно такого характера) стала единственным выходом общественной системы из предельно нагнетённого состояния.

Такой подход подтверждают факты отечественной истории. По статистическим данным Maddison Historical Statistics Project (График 1, стр. 7) (Ангус Мэддисон, Гронингенский университет, Нидерланды, 2010 год), серьёзные проблемы с ростом ВВП в СССР начались в 1989 году, но симптомы кризиса дали о себе знать ещё в 70-х: на предприятиях Российской Федерации заработная плата возрастала на 5 рублей ежегодно; но уже в 70-е проявился дисбаланс между денежными доходами населения и товарными ресурсами.

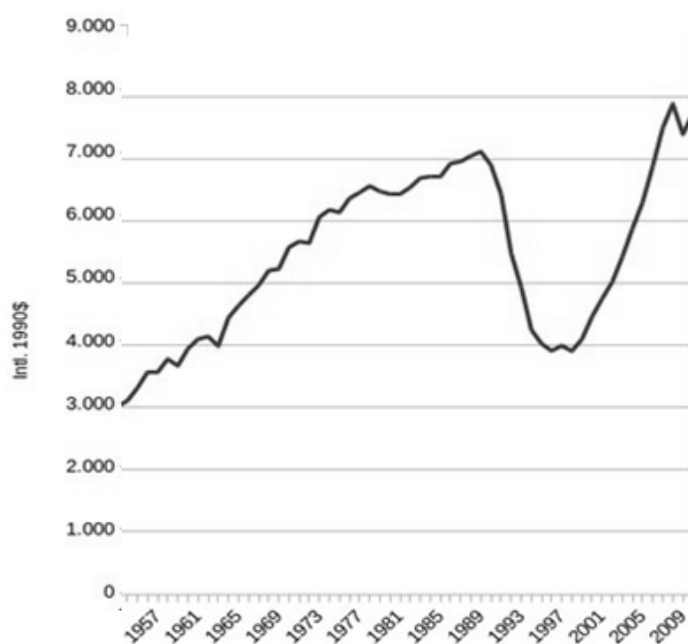

Рис. 1. График. Maddison Project, 2010 ВВП СССР

Складываются благоприятные обстоятельства для ведения внешнеэкономической деятельности, но внешняя торговля страны развивалась вяло. К середине 80-х годов доля внешнеторгового оборота достигла 15% ВВП. Настораживало то, что экспорт рос за счёт расширения продажи энергоносителей, а импорт представляли собой закупку зерна и потребительских товаров. Только 20% производившихся в СССР автомобилей соответствовали мировым стандартам качества.

Обострилась нехватка продуктов питания: если в ГДР потребляли 96 кг мяса на человека в год, то в СССР – около 70 кг. Не хватало парикмахерских, прачечных, бань, ателье по ремонту бытовой техники [6].

И именно в это время государство погружается в кризис политической элиты: брежневские приближённые кружка Н.В. Подгорного сворачивают либеральные реформы и открывают «ящик Пандоры» - нефтяные месторождения, торговля богатством которых приводит к «застою»; Андропов усугубляет социальное напряжение облавами на «бездельников», увеличивает военные расходы; Черненко ужесточает цензуру и борется с теневой экономикой (порой единственным способом купить необходимые вещи), что неизбежно ведёт к конфронтации с населением и социальной напряжённости.

Очевидно, что в условиях, когда граждан «стерилизуют» и экономически, и политически, остаётся единственный способ высвобождения напряжения – в трансформации собственной структуры общества; серьёзных перемен пока не происходит, но появляются признаки нездоровья: рост алкоголизма (по неофициальным подсчётам, с учётом самогонварения употребление вообще превышало 14 литров на человека [7]), рост числа самоубийств (с 17,1 на 100 000 населения в 1965 до 29,7 в 1984 году [8]), развивается криминалитет, в среде которого развиваются более сложные и эффективные структуры, тоже, своего рода, социальные трансформации («За десятилетие с 1973 по 1983 год общее число ежегодно совершаемых преступлений увеличилось почти вдвое, в том числе тяжких насильственных преступлений против личности — на 58%, разбоев и грабежей — в два раза, квартирных краж и

взяточничества — в три раза. Количество преступных посягательств в сфере экономики за этот период возросло на 39 %» - Хабаров А. Россия ментовская), в армии процветает «дедовщина».

Второй подход переключается с аналитической работой «Physics and Politics», 1867 года за авторством Уолтера Бэджета, британского экономиста и политического философа. Но с больше абстрактивизацией формульных интерпретаций общих физических законов применительно к частному случаю трансформации российского общества в переходный период.

Исходя из заявленного нами определения социальной трансформации и трактовки им количественных изменений в обществе как «изменения пропорциональных соотношений между стратами, их количественного состава, появления и отмирания» (также логично добавить формирование и подстрат, и ещё более мелких социальных общностей, тем не менее наделённых социально-экономической функцией (ОПГ, предприятия и организации, кооперативы и др.), можно провести аналогию с **классической термодинамикой**. Наглядным тому подтверждением выступает график энергетической диаграммы термохимической реакции в сравнении с графиком расслоения в стратификационной картине российского общества (мы определяем его через децильный коэффициент: чем он выше, тем более расслоенным по уровню доходов является общество) (Графики 2 и 3):

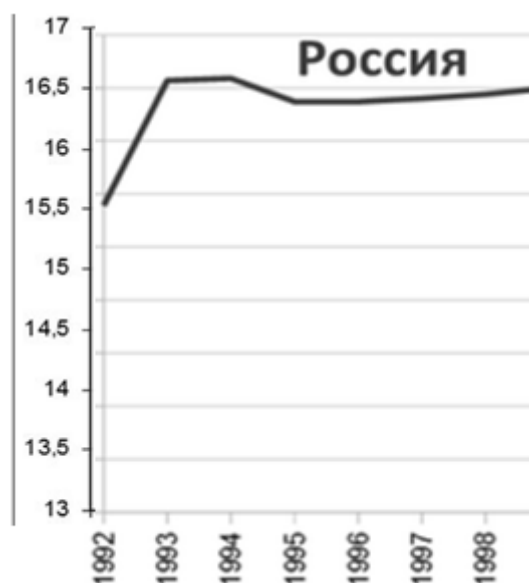

Рис. 2. График. Динамика децильного коэффициента

Рис. 3. График. Энергетическая диаграмма эндотермической и экзотермической химических реакций

Очевидно однообразие представленных функций: график динамики децильного коэффициента по виду соответствует графику общего вида энергетической диаграммы эндотермической термохимической реакции. Однако сразу нужно сделать важное замечание: децильный коэффициент, как уже было сказано, определяет разницу в доходах и чем он больше, тем более расслоенное общество представляется, значит, по Второму закону термодинамики $Q = \Delta U + W$, (где Q – переданное (или отнятое у тела) телу количество теплоты, ΔU – изменение внутренней энергии тела, W - совершённая телом (или над телом, в зависимости от знака) работа), «теплота», переданная российскому обществу

пошла не на совершение им работы (по графику Maddison Project для ВВП на период перехода можем судить о его резком падении, следовательно производственная деятельность ("работа") в буквальном смысле была на нуле (подтверждение тому – гуманитарная помощь Буша и дефолт 1998 года), а на изменение внутренней структуры, то есть $W=0$; изменилась внутренняя энергия российского социума: крупного всплеска насилия и тем более революции, подобной Революции 1917-1918 годов, не произошло, следовательно напряжённость в обществе погасилась изменением внутренней структуры, откуда $\Delta U_{\text{позднего советского общества}} > \Delta U_{\text{общества переходного периода}}$. Причём внутренняя структура (раз расслоилась) изменилась в направлении увеличения числа микросостояний системы.

Отсюда, по статистической интерпретации энтропии, данной и доказанной Больцманом (II закон термодинамики обусловлен молекулярной природой вещества, то есть наличием в веществе большого числа микросостояний, откуда следует непосредственная связь энтропии с вероятностью осуществления данного числа микросостояний), следует, что число микросостояний российского общества увеличилось, то есть «степень свободы распределения гражданина по уровням достатка» увеличилась, следовательно «энтропия» российского общества в конечном состоянии переходного периода увеличилась: $S_{\text{советского общества}} < S_{\text{переходного периода}}$.

Из вышеперечисленных «физических» условий протекания переходного периода в обществе следует уравнение для его «теплого эффекта», то есть, какова стала общественная напряжённость в результате перехода:

$$\Delta H = \Delta U + W;$$

$$\Delta H = \Delta U_{\text{общества перехода}} - \Delta U_{\text{позд.советск.общества}} + 0.$$

$$\Delta U_{\text{позднего советского общества}} > \Delta U_{\text{общества переходного периода}}, \text{ следовательно}$$

$$\Delta H < 0.$$

$$S_{\text{советского общества}} < S_{\text{переходного периода}}, \text{ следовательно}$$

$$\Delta S > 0.$$

Отсюда по зависимости направленности реакции от температуры

$\Delta G = \Delta H - T \cdot \Delta S$, приняв $T=1$, так как пока мы не нашли подходящей интерпретации для этого коэффициента в нашей модели, получаем график (4).

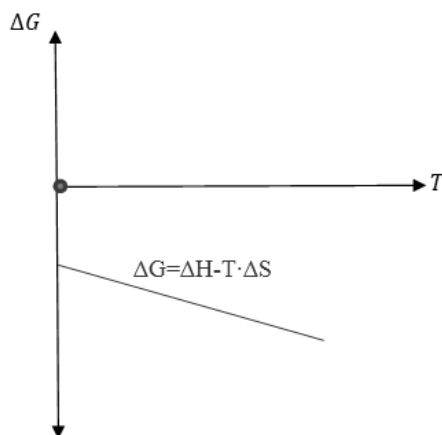

Рис. 4. График. Энергия Гиббса (ΔG) в зависимости от температуры (T)

Таким образом, процесс трансформации российского общества в переходный период соответствует такому термодинамическому процессу, протекание которого осуществляется при любых температурных условиях среды, а вероятность его может только увеличиться с увеличением температуры. Эти данные можно объяснить следующим образом: те трансформации, которые произошли в российском социуме в период 1980-1990 гг. являются закономерным и обоснованным фундаментальными законами физики стремлением системы к такому состоянию, при котором будет наблюдаться наибольшее число микросостояний.

Впрочем, с точки зрения истории, со сделанным выводом можно поспорить: современная модель развития человечества представляется как интеграция-дифференциация-интеграция [10], в которой пункт «интеграция», казалось бы, противоречит приведённым выкладкам из термодинамики. Чтобы избежать данного противоречия, мы приняли за «систему отсчёта» Россию в довольно короткий исторический период, в котором обоснованно сформулировали основную черту – расслоение общества (по результатам статистических исследований, приведённых во втором разделе). Тем не менее, можно предположить, что если выбрать более глобальную «систему отсчёта», например, человеческую цивилизацию в целом, то подобным образом станет возможно прийти к таким же выводам: становление империй и

надгосударственных образований, и т.п. как ярких примеров интеграции не противоречит заявленной нами модели.

Заключение.

Подводя итог, с уверенностью можно сказать о достижении поставленной цели – проанализировать социальную трансформацию в России в переходный период.

Путём двух подходов пришли к целостному заключению: общественные изменения можно трактовать как дезинтеграционные и деградиционные. По сути своей они явили общемировую тенденцию общественного развития, продиктованную фундаментальными законами мироздания. Тем не менее, как закономерность, встаёт вопрос о самой возможности «лучшего» будущего – интеграции и равенства, ведь сама такая вероятность, по приведённым нами данным, входит в конфликт с законами термодинамики. Но и здесь метод анализа, представленный в работе двумя подходами: институциональным (сжатым историческим) и фундаментальным, даёт определённый инструментарий для размышлений: выявление закономерностей во многом зависит от «системы отсчёта», которая применяется исследователем. В нашем случае это была Россия,двигающаяся от экстрактивных институтов к чему-то новому, более единообразному с внешним, капиталистическим миром. Если бы системой отсчёта было развитое европейское государство, мы бы столкнулись с теми же закономерностями, но проявляющимися не только в дезинтеграции, но и в интеграции на определённых, более высоких уровнях.

Последнее позволяет сделать общий вывод по проделанной работе: в каком виде предстала Россия, когда «траектории» исторического движения «исконно капиталистических» и недавних социалистических моделей пересеклись? Ответ на это следующий: в соответствии с моделью интеграция-дифференциация-интеграция, Россия пережила «переход», то есть увеличились степени свободы её внутренней структуры, чтобы интегрировать элементы более высоких порядков.

Ключевым является именно то, что Россия (хоть и не СССР) сохранила государственность, а значит её общество не столько дезинтегрировалось (разделилось), сколько дифференцировалось («различилось»), то есть заняло исходную позицию для нового, капиталистического, забега.

Список литературы

1. Сачук Д.И. Трансформация стратификационной картины российского общества в постсоветский период развития // Вестн. моск. ун-та. № 4, 2014. -С. 279.
2. ЭКОНОМИКА РОССИИ - XXI ВЕК - Теневая экономика: как её считать// [Электронный ресурс]. guseconomy.ru, 1999.
3. Руткевич М.Н. Процессы социальной деградации в российском обществе // «Академическая трибуна», 1998
4. Николаева Л.В. Новые социальные «верхи» российского общества эпохи 90-х годов // Проблемы современного российского общества, 2003. С. 98.
5. Робинсон Джеймс А., Аджемоглу Дарон. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ, 2012.
6. Казанцев Ю.И. Рабочие Сибири. (60-е - середина 80-х гг.). Екатеринбург. Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. С. 53, 60-62.
7. Немцов А. Алкоголь и смертность в России, 2002.
8. Гилинский Я., Румянцева Г. Основные тенденции динамики самоубийств в России // Нарком.ру <https://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html>, 1989.
9. Бэдджет Уолтер. Physics and Politics. 1867.
10. Косарев В.В. Глобализация и синергетика// «Центр междисциплинарных исследований». 2005.